

«ПЕДСОВЕТ»

Пьеса

Автор – Студеникин Юрий

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Дмитрий Фёдорович Плетнев – преподаватель истории и обществознания

Нина Ильинична Кузина – директор школы

Нина Анатольевна Эль – преподаватель английского и заместитель директора по административно-хозяйственной части,

Елена Леонидовна Холмогорова – преподаватель эстетики, заведующая учебной частью, разведена

Николай Николаевич Еропкин – преподаватель труда, разведенный

Мария Олеговна Красавина – преподаватель физики,

Евгения Петровна Тарасова – учитель музыки и пения,

Полина Егоровна Штруве – преподаватель физкультуры, бывшая чемпионка России и Европы по пятиборью,

Кармелита Дауровна Кранцева - учитель русского языка и литературы,

Карп Лацис Фон-Дорн – учитель информатики и ИКТ,

Любовь Сергеевна Кускова – детский психолог,

Вера Георгиева - учитель математики,

Вера Счастливая - учитель химии и ОБЖ,

Виолетта Козлова – учитель биологии и анатомии человека,

Маргарита Доценко – учитель географии,

Юрий Скоков – старший следователь следственного комитета

Действие первое

Кабинет завуча общеобразовательной школы №241 города N.

В кабинете: в два ряда стоят восемь стульев, два стола, один по центру кабинета, второй в углу. На стене висят портреты российских писателей, химиков, физиков. На видном месте портрет Макаренко.

Дверь открывается. В кабинет входит учитель труда Еропкин, и физрук Штруве, каждый из них несет в руке по стулу. За ними входит директор школы Нина Кузина, и завуч Елена Холмогорова.

Кузина (проходит и садится во главе стола): Ого, как у вас тут свежо.

Холмогорова (к Еропкину и Штруве): Вот перед этими ставьте, чтобы еще ряд был. И три за этот стол поставьте.

Еропкин: Да ежу понятно.

Холмогорова (директору): Окна старые. Тепла не держат. Стеклопакеты бы. Продрогла. В пальто сижу.

Кузина: Нда! Конец мая. (завучу) Что вы говорите, Елена Леонидовна? А! На компьютеры гроши выделили, какие уж пакеты. Терпите до октября, затопят. Или лето, наконец, придет...

Обе дамы смотрят за окно. Вздыхают

Кузина: Вот ведь поливает.

Холмогорова: Льет и льет, льет и льет. А завтра вообще с градом обещали.

Кузина: Послал боженька погоду в этом году. Вот напасть.

Холмогорова: И за какие грехи?

Штруве: Ещё стулья нести?

Кузина: Да, пара про запас не повредит.

Штруве уходит.

Еропкин (направляясь к двери): Покурю?

Холмогорова (стуча пальцем себе по лбу): Коля...то есть Николай Николаевич, потерпите. Дома покурите.

Еропкин: Да шутю я. (садится за стол спиной к директору) А я так думаю – американцы это.

Кузина поворачивается к Еропкину

Кузина: Какие? Где?

Еропкин: Экспериментируют. Водой нас заливают, значит. Пакости ихние, санкции не действуют, так они решили измором взять.

Кузина: Господи! Да откуда ты это взял?

Еропкин: В новостях слышал. Они с другой стороны земли в нас лучом, значит, бьют, импульс посылают. Дыдых- дыдых, дыдых-дыдых. И у нас то понос, то золотуха. Спокойно! Наши тоже не лыком – мы им, значит, жарУ

под пятьдесят – хлабысь! И у них там урожай весь под ноль и скотинадохнет.

Кузина (вздыхая): Чую, не одни они стараются. Так, а ну, хватит сопли распускать. У природы нет плохой погоды!

Холмогорова: Точно! Нету, Ниночка Ильинична.

Кузина: Я надеюсь, сегодня все соберутся, не как в прошлый раз?!

Холмогорова: Позвала всех, а уж там как Бог...

Входит Штруве с двумя стульями. За ним входят учительница музыки и пения Евгения Тарасова, учитель русского языка и литературы Кармелита Кранцева, учительница математики Вера Георгиева.

Кузина: Живенько, живенько рассаживаемся. Раньше начнем – раньше кончим.

Еропкин (подмигивая вошедшим): А кто поздно кончать привык может остаться?

Кузина: А без пошлых острот вы не можете, Еропкин? То, что вас все мысли только об одном и так вся школа знает. Мы сегодня и это еще обсудим.

Еропкин поднимает обе руки.

Еропкин: Сдаёмсу.

Георгиева: Ой, ну и холодрыга у вас.

Кранцева: Да, чего-то дрожножно шибко. Как бы не продуло.

Тарасова: А попроси, пусть Николаич согреет?!(к Еропкину) Пустишь к себе Николаич, а?!

Холмогорова: Евгения Петровна, вы на педсовет пришли, а не в уличный шалман ...

Тарасова: Да-а-а?! Обломись, Николаич (смеется).

Георгиева (встает): Нина Ильинична, а когда в школе окна заменят? Уже четырнадцатый год на дворе, а у нас, как в двадцатом веке – деревянные стоят. Половина окон не закрывается толком. Сквозняки. Дети простужаются, болеют, нас заражают.

Разговаривая, в класс заходят учителя физики Мария Красавина, учитель химии и ОБЖ Вера Счастливая, учитель биологии и анатомии Виолетта Козлова, учитель географии Маргарита Доценко, учитель информатики Карп Лацис Фон-Дорн, детский психолог Любовь Кускова

Холмогорова хлопает в ладоши и шум прекращается. Учителя садятся.

Счастливая: Блин, холодрыга!

Доценко: Вау! Маябрь какой-то!

Кускова: Задубеть можно! Не-ет, я за курткой...

Кускова разворачивается и выбегает.

Кузина (Георгиевой): Верочка, вы у нас человек новый. Порядков не

знаете...потерпите...сейчас быстро надышим, так тепло станет, что сами ещё попросите окна открыть.

Георгиева (разводя руками): Да я не для себя, для детей...

Кузина: Дети у нас крепкие, и не такое выдержат.

Еропкин: Не, я чот, не понял?! Это что, значит? Это ж сколько ж тут сидеть-дышать, чтоб тепло стало?!

В кабинет входит Нина Анатольевна Эль – преподаватель английского, эстетики, и заместитель директора по административно-хозяйственной части.

Кузина: Опаздываете, Нина Анатольевна.

Эль проходит и усаживается на стул у двери вдали от президиума.

Эль: Да ладно?! Чтобы историк Плетнев раньше меня пришел?! Да скорее дождь перестанет...

Кузина: Плетнев, положим, ещё свое получит, но и вы...ладно... (к Холмогоровой) остальные все тут?

Холмогорова: Ой, забыла сказать, Баженовой, нашего учителя рисунка не будет. Отпросилась.

Доценко (так чтобы все слышали): Сын у нее заболел. Врача ждет.

Тарасова: Ну, да. Знаем какого она врача ждет, ха-ха.

Некоторые учителя начинают улыбаться и шушукаться.

Красавина: Вот зачем на человека грязь лить?! А вдруг, правда врача? У нее же сын маленький, в садике еще.

Тарасова: Маш, ну ты прям, как святая, ей богу! Всему веришь.

Штруве: Нина Ильинична, а можно мне тоже пораньше. У меня секция в четыре.

Кузина: У всех секция. Так – всё! Начинаем. Никого больше не ждем. На повестке нашего педсовета три вопроса...

Открывается дверь и вбегает, кутаясь в куртку, психолог Кускова, за ней входит учитель истории и обществознания Дмитрий Плетнев.

Плетнев: Я прошу прощения...

Кузина: Дмитрий Федорович, почему вы опаздываете? У нас тут все-таки педсовет, а не урок.

Плетнев: Я ...но у меня факультатив. Задал ребятам вопрос по роли Хрущева и... разгорелся очень интересный диспут...

Кузина: Нет, я не понимаю, как так? Все уже тут – одного вас нет.

Эль (директору): Плетнев уже извинился, вам мало?

Кузина: Нина Анатольевна, я не с вами разговариваю. Когда мне будет интересно ваше мнение, я обращусь к вам.

Плетнев (к Эль): Не ссорьтесь, товарищи. Там правда такой диспут, может, и сейчас спорят... по двадцатому съезду и докладу Хрущева ...класс

поделился ровно надвое, и все обсуждают почему народные депутаты, что прибыли на съезд...

Кузина: Дмитрий Федорович, про Хрущева не надо. Я от вас одного прошу – на педсовет больше не опаздывать.

Плетнев: Да, да... конечно.

Смех учителей.

Еропкин: Дим, давай к нам. *(к физруку)* Полина, ну-ка задом двинь мальчика.

Плетнев отказывается и продолжает стоять.

Эль: Что? Опять стульев не хватило? *(Кузиной)* Почему у нас так всегда, а?

Штруве *(вскакивая):* Я схожу, принесу.

Доценко: Я с Полей.

Кузина: Сидеть! Знаю вас. За дверь, и – ищи потом ветра в поле.

Кузина *(завучу):* Да что ж такое – за одним стулом по двое ходят. Так, больше никто никуда не ходит. Три вопроса – от того, как быстро решим зависит как скоро разойдемся. Понятно?

Учителя хором: «понятно»

Еропкин: Ясен пень.

Холмогорова дает знак рукой Еропкину замолчать.

Кузина: Всё! Прекращаем хождения, а то так до темна не решим.

Огласите повестку Елена Леонидовна.

Холмогорова берет из папки лист бумаги. Встает. Откашливается.

Холмогорова: На повестке дня три вопроса. Первый – организация и достойное проведение в школе выборов в государственную Думу.

(унылое неодобрение учителей)

Второе – премирование и награждение учителей за прошедший год, *(учителя радуются)*, и третье – раздел «разное». Итак. Коллеги, вы знаете, нам скоро предстоят очередные выборы в Госдуму и их надо достойно провести. Кто уже принимал участие в выборах президента в нашей школе, тот знает, что внизу в фойе будут организованы кабины для голосования. Выставят столы, за которыми будут сидеть члены наблюдательной комиссии по каждому

участку. В этом году выборы приходится на 12 июня. Как вы знаете это день праздничный – День России. Выходной день, но не для нас.

Учителя недовольно гудят

Кузина: Не надо так волноваться. Вы знаете, что работа в праздничные дни оплачивается по двойному тарифу.

Учителя радуются, шумят. Учительница географии Доценко тянет руку.

Кузина: Что у вас?

Доценко: Нина Ильинична, я никак не смогу. Я уеду.

Штруве (вскакивает): И я никак – соревнования.

Тарасова: Во спелись!

Кузина: Начинается. Я не могу...я не хочу. Прямо, как дети. Нет! Никому никаких отгулов (*делает знак руками – учителя садятся*).

Эль: Нина Ильинична, хочу напомнить, что работа в свой выходной добровольное решение каждого из работников – Трудовой кодекс.

Кузина: Нина Анатольевна, может вы одна мне всех учителей замените? Вы, надеюсь, сами-то придете?!

Эль: Выборы – почетная обязанность каждого гражданина эр эф. Я приму участие. К тому же, Нина Ильинична, я обязана напомнить, что присутствовать на выборах будут наблюдатели со стороны, из других организаций, так что, думаю, отсутствие двух-трех педагогов ничего не изменит и делу не повредит.

Холмогорова: Но и не улучшит.

Эль: Но и не повредит.

Холмогорова: Но и не...

Кузина: Хватит! Все должны быть. Долг исполнил и – катись на все четыре. По выборам все ясно?!

Учителя: «ясно»

Кузина: Так. Переходим ко второму, более приятному вопросу (*поворачивается к завучу*). Леночка, огласи.

Холмогорова (бодрым голосом): Дорогие, коллеги! Благодаря тому, что ученики нашей школы стали победителями в областной исторической Олимпиаде, а хор нашей школы «Фасолька» стал победителем районного конкурса патриотической песни, Департамент образования города Ладоевска по итогам прошедшего учебного года премировал материальной премией весь состав работников школы.

Учителя дружно: «ура!!!»

Кузина: Хорошо. Кто за то, чтобы признать работу руководящего и педагогического состава по итогам года хорошей?

Все учителя кроме Нины Эль. поднимают руки, Холмогорова пересчитывает лес рук.

Кузина (обращается к учителям): Вот чем мне нравится наша школа, так это тем, что она у нас самая передовая. В своем роде самая демократичная. Даже своя оппозиция в руководстве имеется.

Тарасова: Либеральная?

Кузина: Вот сейчас и узнаем. (к Эль) И что же на этот раз не так, Нина Анатольевна? Вы воздерживаетесь или против?

Эль: Нина Ильинична, перед тем, как проводить голосование и радоваться, я бы первым делом огласила список всех премированных учителей и особо попросила бы огласить сумму премии каждого. Вдруг кому-то интересно?!

Кузина: Ну, как обычно – типичный пример забалтывания вопроса. Вот от таких как вы, у нас все беды.

Эль: Каких это таких?

Кузина: Да вот таких... вот зачем это? Кому это охота знать? Люди мерзнут. Холодно, дождь, град обещают. Всех дома ждут. У кого-то секции, факультатив, а ей видите ли интересно. Оппозиционер, хре... (к учителям) Вам что, премию забрать и домой или... а у нас ещё по Еропкину вопрос не решен...

Головы учителей оборачиваются в сторону Еропкина

Еропкин (вскакивает): Не, а че с Еропкиным-то не так?

Кузина: Вот! Всем интересно?

Тарасова: Давайте голосовать!

Козлова: И по домам!

Плетнев: А что с Еропкиным?

Холмогорова: Приступаем к голосованию. Кто за то, чтобы признать работу...

Эль (встает со стула, проходит и встает между столом и Плетневым): Нет, я конечно отдаю себе отчет, что именно я всех морожу (поворачиваясь к директору), а не отсутствие ремонта в школе и уж, конечно, дело не в

деревянных окнах довоенной постройки. Вы уж меня простите, что это именно я поднимаю этот вопрос, а не наш глубокоуважаемый директор, но...

Эль вынимает из папки, бумагу, и машет ею перед учителями.

Эль: Но вот тут у меня копия приказа Департамента образования нашего города с точными цифрами премий. Никому не интересно? Нет?!

Еропкин: Да в кассе узнаем!

Счастливая: Даешь – чемодан, вокзал, квартира!

Тарасова: Вообще-то интересно, но, как говорится итс колд ту мач.

Эль, засовывает бумагу обратно в папку.

Эль(направляется на свое место): А! Ну, извините. Видимо, сегодня не мой день.

Холмогорова: Итак, – кто за то, чтобы признать нашу работу хорошей? Голосуем.

Руки поднимают все учителя кроме Эль.

Холмогорова: Единогла...

Эль (перебивая её): Жаль Плетнева. Старался-старался. Нас с областного на всероссийский уровень выводил-выводил. Вывел. Победил. Всем премию, а ему – шиш... кхе-кхе, извиняюсь за мой английский.

Красавина (вскакивает и обращается к Эль): Ах! Как так? Почему?

Счастливая: Как так шиш?

Кузина (к Эль): Нина Анатольевна, не надо грязи. Видите, народ уже проголосовал. Так что не надо тут, не надо (к Холмогоровой) Переходите к третьему пункту.

Карл Лацис Фон-Дорн (говорит с явным прибалтийским акцентом): Нет. Подождите, подождите. Тут надо разобраться.

Еропкин(вскакивает): Да уж. Огласите весь список пжалста.

Тарасова: И суммы.

Счастливая, Штруве, Доценко, Козлова и Еропкин (хором громко): «да», «огласите», «потертим», «читайте».

Эль встает, идет к столу, и протягивает его директору.

Кузина смотрит на документ, затем откладывает его.

Кузина (к учителям): Тут смотрите какая штука. Плетнев у нас человек новый, всего три месяца с нами. Да, у него за этот короткий срок отличные результаты. Прекрасные показатели. Школу, опять же за три месяца на областную Олимпиаду вывел...

Красавина: И победил!

(учителя поддакивают)

Кузина: Всё так. Но поймите. Департамент принял свое решение не потому что школа взяла Олимпиаду, тут Елена Леонидовна слегка погорячилась. Эта премия по итогам всего года. Всем коллективу. Вы не забывайте и про песенный конкурс и прочее. Поймите – за год!

Красавина (вскакивает и подбегает к Плетневу): Друзья! Но ведь это несправедливо! Получается, что предыдущий историк не получил премии, потому что сбежал, а нынешний, потому что новый?! Несправедливо это.

(учителя поднимают гул)

Эль: Полностью согласна с Красавиной, особенно учитывая сумму выплат. Может все же огласите, Нина Ильинична?

Кузина кидает злые взгляды то на Эль, то на бумагу.

Кузина: Это что, такая мода в чужой карман заглядывать, чужие премии считать? Вы же уже видели... так зачем же это всё?!

Эль: Ну, так. Вдруг и другим интересно?!

Карл Лацис Фон-Дорн: Да читайте уже. Просим.

Нарастает шум учителей, учителя встают с мест. Директор начинает шарить рукой по груди и столу.

Кузина: Ой, кажется в кабинете очки забыла.

Эль стучит себе по лбу пальцем.

Кузина (к Эль грозно): Что вы себе позволяете?

Эль: На лбу у вас.

Директор, не отрывая злобного взгляда от англичанки, снимает с головы очки.

Эль: Не смотрите так, Нина Ильинична. Бесполезно. Я заколдована.

Кузина: Приказ за номером 3214 городского Департамента образования...

Эль: Можно без шапки?

Кузина (переходя на крик): Когда будете на моем месте, тогда и указывайте где и что мне сокращать! А пока я тут директор, – я решаю.

Эль: Ой-ой! Сколько эмоций. Молчу-молчу.

Кузина (ворчит): Не понимаю. Никогда никого не интересовало, а тут... *(говорит громче)* Нет, пожалуйста, я могу... прочитаю, но что это решит?

Тарасова: Читайте уже...

Кузина: Так. Премировать... так... где это, а вот.... Веру Георгиеву в сумме двенадцати тысяч двухсот тридцати рублей, Маргариту Доценко в сумме одиннадцати тысяч девяноста рублей, Николая Еропкина в сумме девяти тысяч двухсот пяти рублей, Марию Красавину в сумме одиннадцати тысяч сорока двух рублей, Нину Кузину в размере ...ннадцати тысяч пятисот рублей, Любовь Кускову в сумме четырнадцати...

Эль: Стоп. Стоп. Стоп. Нина Ильинична. Как-то неразборчиво прозвучало.

Кузина: Что неразборчиво? Кхе. Где? Голос у меня такой, кхе. Вот. Любовь Кускову в сумме черынад...

Эль: Нет. Вашу. Вашу премию можно еще раз огласить? *(к Холмогоровой)* Елена Леонидовна, сколько там?

Холмогорова встает и читает через плечо директора

Холмогорова: Так... а вот... директору школы Нине Ильиничне Кузиной в сумме *(изменившимся голосом)* ...двухсот тридцати тысяч пятисот рублей.

Холмогорова смотрит на Еропкина. Штруве и Еропкин одновременно издают свист.

Эль (в полной тишине): Так вот! А вы говорите – Плетнев. Олимпиада.

Красавина (встает): Ну, как же так, друзья? Нина Ильинична?! Дмитрий Федорович так старался. Он же тоже часть коллектива.

Учителя поднимают шум.

Кузина (к Эль): Рады, да?! Счастливы?! *(учителям)* Дорогие мои, поймите. Сядете в мое кресло, хлебнете директорских слез, тогда сами станете столько

же получать. Или вы думаете, что у меня в Департаменте рука мохнатая? Или я сама себе такую сумму выписала? Премия начислялась согласно ставкам. Вон, Елена Леонидовна, тоже не мало (*смотрит в список*) – сто одну тысячу ...(*вновь к Эль*) а вам Нина Анатольевна аж целых сто пятьдесят четыре выписано ...

Холмогорова: Ни фиги ж себе!

Кузина (*к Холмогоровой с удивлением*): Елена Леонидовна?!

Холмогорова: Ой, простите. Но за какие ж такие заслуги ей на полтос больше? (*к Эль*) У нас с вами, кажется, одна должность?!

Эль: Я английский веду. Забыли?

Холмогорова: А я – эстетику. Забыли?

Эль: Что и у третьеклашек? Эстетика только с девятого, а английский с начальных классов.

Счастливая: Меня не назвали. Мне-то сколько?! Я ж и химию и ОБЖ веду.

Козлова: А почему мне так мало? У меня тоже два предмета – биология и анатомия.

Со своего места поднимается Дмитрий Плетнев.

Плетнев: Товарищи, женщины, послушайте.

Все умолкают.

Плетнев: Товарищи! Извините меня...

Еропкин: Блин, да чего ты всё извиняешься?!

Плетнев: Друзья. Мне правда неудобно. Получается, что весь этот разговор о деньгах вроде бы как из-за меня случился. А я бы не хотел так. Давайте перестанем спорить. Вы придаете слишком много значения деньгам. А я преподаю Историю не из-за денег. От чистого сердца. Вся эта тема вокруг Олимпиады, это же не я один. Дети. Сами. Своим умом. Для них и для меня победа – уже праздник. Давайте прекратим считать деньги и двинемся дальше...

Еропкин (*вскакивая*): Я вот не пойму, Дим? Ты святой или юродивый?!

Тарасова: А вы, Плетнев, что, не едите каждый день? В магазин не ходите? На ценники похоже совсем не смотрите?! Хорош! Тоже мне... Ну, если вам деньги не нужны – отдавайте мне. Я найду куда деть. У меня двое по лавкам.

Карл Лацис Фон-Дорн: Дорогие коллеги, лично меня слова и Плетнева, и нашего директора вполне убедили. Давайте двигаться дальше...

Еропкин (*вскакивает*): Не, ну директор наш – соль земли, мать-матерей, с ней, значит, понятно. С заведующими тоже, хотя вопросы конечно есть, ну, я, значит, одного не пойму, а чегой-то мне меньше всех дали? Всем одиннадцать, значит, кому двенадцать, этой – седьмая вода на киселе, ваще четырнадцать дали, а мне меньше десятки кинули.

Кузина (*завучу Холмогоровой*): Уйми своего.

Холмогорова: Николай, успокойся.

Тарасова: Да, Коль, бери пример с историка нашего, святоши. Не думай о деньгах, думай о труде! Детях! Будущем нашей страны!

Красавина: Почему вы такая злая, Евгения Петровна?

Тарасова (*вскакивая*): Почему? Потому. Потому что с двумя детьми и без мужа попробуй попеть каждый день с утра до ночи «Широка, страна моя

родная!» Днем на «Фасольке» голос дерёшь, а вечером еще к долбозвонам бежишь, учишь этих ушлёпков, что на серебре едят. А там не тут, – лишнего не скажи, не окрихни. (*передразнивает воображаемых учеников*) «Это я петь не буду, этого не понимаю». Нервы – как струна. Домой выжатая прихожу. Собственных детей не вижу. А здесь – на тебе червонец в зубы, подавись, радуйся. И это за конкурс! За победу. (*директору, зло*) А у самих там...

Эль: А я полностью разделяю негодование нашего учителя пения, госпожи Тарасовой. Хватит мириться. Я считаю, что пора оценивать работу коллектива не только по ставкам, но и, по справедливости. Предлагаю написать в Департамент образования резолюцию с такой формулировкой: коллектив школы №41 города Ладоевска, считает распределение денежных премий работникам коллектива несправедливым, и предлагает пересмотреть её в равном вложенному труду соотношении.

Плетнев: Вот это здорово! Прямо как в фильме «Премия».

Еропкин: Че-то не знаю такой ...

Эль: Кто за?! Голосуем?

Эль поднимает руку. Постепенно за ней поднимают руки почти все учителя. Не поднимают рук только Холмогорова и Кузина.

Кузина: У кого контракт со школой в августе заканчивается? Вера, кажется у тебя?

Вера Счастливая, Георгиева и Козлова быстро опускают руки.

Кузина: Знали бы вы сколько сейчас безработных учителей русского и литературы ко мне каждый день в дверь стучит... да и возраст у некоторых уже... как говорится, молодым у нас дорогу...

Кармелита Кранцева опускает руку.

Эль: Все равно нас больше. Принято.

Кузина: Да черт с вами. Не обеднею.

Директор поднимает руку. Вслед за ней поднимает руку и Холмогорова, и остальные учителя. Все аплодируют этому решению.

Кузина (*устало вздыхая*): Что там еще, Лен? Давай закругляться.

Встает завуч Холмогорова.

Холмогорова: На повестке дня разбор поведения преподавателя труда Николая Еропкина. Выходите сюда Николай Николаевич.

Еропкин: Че это я идти должен? Мне и тут хорошо. Всем видно.

Георгиева: А что случилось?

Кранцева: Ой, правда, что?

Козлова: Да, расскажите!

Холмогорова (*директору*): Нина Ильинична, пусть кто-нибудь другой?! Не смогу.

Кузина: Николай, может, сам расскажешь?

Еропкин: А чо я? Ну, было. С кем не бывает. Последний звонок же...

Кузина: Николай, это твоё «было», где угодно может быть, но не в стенах моей школы... это пятно!

Еропкин: Праздник же?!

Кузина: Детям... у детей праздник, а у нас работа... понимаешь? Ра-бо-та! Ты как стеклышко должен... примером быть. А какой ты пример если учитель в

стельку...

Еропкин: Ой, да ладно...

Эль (*смотрит в свой айфон*): Еропкин, ты знаешь, что уже звездой ютьюба стал?

Кузина (*прижимая ладони к груди*): Как?

Эль (*поворачивая к ней айфон*): Вот, полюбуйтесь.

Некоторые из учителей достают свои смартфоны, и начинают в них рыться. Еропкин наклоняется над впереди сидящей Тарасовой и смотрит видео с собой.

Еропкин: Узнаю кто снимал – убью!

Кузина (*учителям*): Ну, что вы вот сразу? До дома невтерпеж?! Коля, ты хоть понимаешь, что завтра уже Малахов из Москвы со своей сворой будет?! И что я ему скажу?

Доценко: Ой, девочки, у меня телефон сел. Покажите кто-нибудь, что было-то?

Кузина: А было то, что на «Последнем звонке» у выпускников, наш тихий трезвенник в очередной раз набрался...ведь не будешь отрицать, Николай? Вот! Не отрицает. Так, извиняюсь, наклюкался, что разделся до исподнего, и стал орать непотребное.

Еропкин: А че это непотребное-то? Я потребное. Я патриотическое орал.

Эль: И что же это было, Еропкин?

Еропкин: Чего было? Чего было? Ну, телефон же есть. Смотрите. Нормальные песни... там ...ну да, перебрал чутка...

Эль: Тут только заключительная мизансцена.

Доценко: Блин, да что же? Что? Дайте глянуть...

Тарасова (*учителю математики*): Вер, тут только, как он рубаху рвет. (*Еропкину*) А ты ничего, в форме ещё!

Кранцева: И танцует хорошо.

Козлова: Что-то про Крым кричит, не разобрать.

Кузина (*вздрагивая*): Что про Крым?

Еропкин: Кричал, что он наш! Нельзя?

Кузина: Это, положим, можно. А ещё что?

Еропкин (*ободряясь*): Ну, англосаксов пару раз послал на... А че? Может кто не согласен?!

Кузина (*ударяет ладонью по столу*): Прекращай выражаться! Тут тебе не там. Ну, хорошо. По саксам, положим согласна, но в целом...

Карл Лацис Фон-Дорн (*перебивая директора*): Простите, простите, госпожа директор. Я, как представитель меньшинства, с вами и с господином Еропкиным тут совсем не согласен.

Тарасова: Какого меньшинства? Карл, ты чё, гей?!

Раздается сдавленный смех учителей

Карл Лацис Фон-Дорн: Я представитель этнического меньшинства. Вы

знаете, что я литовец, и мы всегда были против любой агрессии. Тем более в вашей.

Тарасова: Чьей, чьей агрессии?!

Эль: А я поддерживаю, господина Лациса. Выходка Еропкина безобразна с политической точки зрения. Она может вообще поставить крест, на всех связях нашей школы со школами побратимами. Вы же знаете, что мы дружим с учебными заведениями Дании, Чехии и Монголии. Делегации приезжают. Мы к ним ездим. Лично я не хочу рвать связи из-за поступка Еропкина. А представьте, какой резонанс нас ждет, окажись видео с Николаем в мировой сети?!

Кузина: Николай, ну, выпил. Ну, найди кабинет, закройся и спи себе. Так нет же...

Тарасова: Подождите. Я тут че-то недопоняла. *(обращается к Фон Дорну)* Что ты там про нашу агрессию? Русские танки чё, уже по Риге маршируют, а?

Карл Лацис Фон-Дорн: Рига к вашему сведению это в Латвии...

Тарасова: Да мне пофиг – фашисты все!

Карл Лацис Фон-Дорн: Что? Русьяс кьяуле...почему ты мне тыкаешь?

Еропкин: А ты дорости до нас, карлик.

Карл Лацис Фон-Дорн (вскакивая): Русьяс кьяуле...

Кузина (повышая голос до крика): Ну-ка, прекратили истерику... мало нам одного Еропкина, так еще и национализм с шовинизмом тут до кучи. Я надеюсь дураков нет, никто этот балаган не снимает сейчас, а?!

Учителя начинают прятать телефоны по сумкам и курткам.

Карл Лацис Фон-Дорн: Нина Ильинична, я возмущен. Это чистой воды дискриминация...

Кузина: Уф, какие мы все нежные! Хватит, Карл, хватит... Я ценю ваш педагогический дар, ваше умение преподавать детям информатику, но вот ваши явные антироссийские настроения терпеть не намерена. Вы уж их как-то подберите, спрячьте эту вашу обиду.

Карл Лацис Фон-Дорн: Раз так, то я считаю, что делать мне здесь больше нечего. Ваши имперские замашки у меня вот где...

Фон-Дорн вскакивает и с шумом выходит из кабинета. Довольный Еропкин бьет ладонью по ладони учителя музыки.

Тарасова: Йес!

Кузина: Чёрт! Докричались. Теперь нового педагога по инфе искать..., а всё ты Еропкин, ты паскудина...

Вскакивает Плетнев

Плетнев: Товарищи, так нельзя. Карл наш друг. Коллега. Возможно, он заблуждается. Вот недавно к нам из Америки прилетала, школьница, Саманта Смит.

Эль (с удивлением): Недавно?!

Плетнев: Да, но это не важно. Она тоже так рассуждала, думала, что все мы плохие, звери, убить их хотим. А между прочим родители девочки тоже были педагогами: отец – учил английскому и литературе, мама – социологии. Так вот, девочка написала письмо нашему генеральному секретарю, товарищу

Андропову. Получила ответ. Прилетела сюда. Мы ее тепло встретили и показали, как живем. Саманта увидела все своими глазами. Поняла, что все не так, как ей говорили до приезда, а перед отлетом она произнесла самые важные слова: «будем жить!». Возможно, что Карл понял что-то неправильно. Надо открыть ему глаза, показать истину. Я вообще не понимаю причины вашего спора – мы живем в одной дружной стране, Крым и так наш. О чем вы вообще спорите?

Счастливая: Молодец, Федорыч!

Еропкин: Хорошо сказал!

Плетнев (*направляясь к двери*): Я его верну...

Плетнев открывает дверь и выбегает

Тарасова (*негромко*): Я бы догнала и – в море, а он – верну...странный.

Красавина: Все бы вам в морду. Даже удивительно, что вы преподаете музыку. Нонсенс!

Учителя шумят. Штруве тянет руку. Директор смотрит на часы.

Кузина (*к Штруве*): Нет, Полина, не отпущу. Есть ещё время.

Штруве: Нина Ильинична, я о другом.

Кузина: Что ещё?

Штруве: Думаю, что вопрос с видео...ну, с Еропкиным решить просто. Надо найти того, кто выложил, и попросить его стереть.

Эль: А что?! Дело говорит.

Кузина: Мысль хорошая. Вот вам и поручим найти кто выложил.

Штруве: Я по сетям не спец. Фон-Дорн мог, но теперь...

Тарасова: Ан нету его таперь...

Еропкин: Да знаю я кто слить мог....

Кузина: Хорошо, что знаешь. Значит – не все мозги пропил. Реши вопрос, Николай. И если эту грязь уберешь, то со школы клеймо снимешь. Это тебе зачтется. Но вот то, что ты уже себя контролировать не можешь – это ни в

какие ворота. Давайте думать, что нам с нашим Еропкиным делать. Какие предложения?

Встает Холмогорова.

Холмогорова: Предлагаю ограничиться строгим выговором.

Эль: Мало. Думаю, пора увольнять.

Кузина: Ну, спасибо!

Открывается дверь. Входит Плетнев, садится на место

Плетнев: Не догнал, ушла Прибалтика...

Плетнев безнадежно машет рукой.

Кузина: Вот! Похоже одного мужика уже потеряли. И что, ещё – уволить?! Поработайте с моё, тогда разбрасывайтесь мужчинами. Уволить! Дай бог одну замену к сентябрю найду. Уволить! Мужик сейчас вон какой пошел...

Счастливая: Нервный.

Кузина: ...да нервный...

Доценко: Мелкий.

Кузина: ...и мелкий...

Тарасова: Слабый.

Кузина: ...и сла...слушайте. Мужчина вообще исчезающий вид. То, что в нашей школе аж три мужика – это ж счастье...детям. Вон, в сороковой – двое: трудовик и физрук, в девяностой только один – физрук. А в семидесятой гимназии вообще ноль. А вам бы всё – уволить! Так – решаю. Еропкину Эн Эн объявить строгий выговор с предупреждением.

Эль (в сторону): Ага, сто семнадцатый...

Кузина (к Эль): Я все слышу. Закончили с этим.

Учителя начинают с шумом вставать со стульев, собираясь расходиться.

Кузина: А что, была команда: «расходимся»?

Штруве: Нина Ильинична – секция ж?!

Кузина: Уйти может одна Полина.

Физрук прощается и покидает кабинет.

Кузина: Остался один вопрос. Последний. Я даже не знаю с какого бока к нему подойти, потому что вообще из ряда вон. Особенно грустно от того, что случилось это с тем, от кого меньше всего ждали...

Счастливая: Что случилось?

Козлова: Что такое?

Кузина (Холмогоровой): Зачитайте вы.

Холмогорова берет письмо, встает.

Холмогорова: «Директору общеобразовательной школы номер сорок один, Нине Ильиничне Кузиной, от Жечкиной Александры Осиповны. Заявление»

Кузина (перебивая завуча): Надеюсь, никому не нужно рассказывать, кто такой папа Кости Жечкина? Что он для нашей школы?!

Слышны голоса учителей: «знаем, знаем»

Кузина: Хорошо. Дальше...

Холмогорова: «...двадцать четвертого мая этого года, мой сын пришел домой с гематомой на голове и кровоподтеком на шее. На мои расспросы, что

случилось, сын ответил, что был избит преподавателем истории Дмитрием Плетневым...»

Плетнев (вскакивая): Да я его только по касательной...по шее...

Учителя начинают возмущенно шуметь.

Кузина: Тишина. Читайте дальше.

Холмогорова: «Прошу разобраться и принять безотлагательные меры во избежание дальнейших серьезных разбирательств и обращений в органы правопорядка».

Кузина: Всё?

Холмогорова: Всё!

Холмогорова садится

Кузина: Коллеги! Вот что у нас с мужиками, а? Один из меньшинств, второй пьёт, третий руки распускает.

Эль: Это неслыханно! Даже Еропкин себе такого не позволяет.

Еропкин: А че сразу Еропкин. Я вообще, если кто не заметил, детей очень даже люблю.

Красавина: А я думаю, что была причина...была. Дмитрий Федорыч ни с того, ни с сего не может... я знаю...он хороший.

Эль: И вы его ещё оправдываете? Вы в своем уме, Мария? Они же дети!

Плетнев (вставая): Нет, Маша. Коллектив прав. Мне нет прощения. Не сдержался.

Учителя возмущаются, шумят.

Кузина: Та-ак. А вы понимаете, чем это может вам грозить? Тут не просто увольнением, тут сроком пахнет. Коллеги, вы все знаете, как я отношусь к нашему новому члену...то есть...ну, вы поняли...к новому члену нашего коллектива. Я вас уважала, Дмитрий Федорович. Да, уважала с первого дня знакомства, когда вы пришли и предложили вести у нас Историю. И если помните, приняла вас в середине года, хотя, если честно, имела полное право этого не делать. Вы, кстати, до сих пор мне справку об отсутствии судимости так и не донесли... четвертый месяц жду. Но я, как видите, терпеливая. А почему? Потому что у выпускников экзамены на носу. Потому и взяла. Оказала, так сказать, доверие. И все это время уважала, даже несмотря на то, что чуть не со второго дня нашего знакомства, у нас с вами начались разногласия...вы понимаете, о чем я?

Плетнев: Да, конечно. Вы требовали, чтобы я учил детей по этим новым учебникам.

Кузина: Хорошо, что понимаете...

Плетнев: Да вы еще утверждали, что они написаны историками, но я прочитал лишь пару страниц и понял, что они написаны полным идиотом, но не человеком, носящим звание историка. А обществознание?! Там еще хуже...

Тарасова: Плетнев прав! Я тут своим обормотам помогала историю учить... не, раньше как-то не задумывалась – история, она и есть история, не математика там или русский. Ну, чего? В таком-то году Бородинское сражение началось, а в таком Великая Отечественная закончилась. А тут

читаю, что оказывается не большевики царя свергли, а некая элита...я так и села. Нас же, получается, не тому учили? И кому верить?

Георгиева: Жень, ты бы знала, какие сейчас в учебниках математики задачи пишут – с катушек бы съехала...

Эль: Коллеги, позвольте. Все учебники нам спускает Министерство. Да, они не совершенны. Но что будет, если каждый учитель начнет преподавать сообразно его желанию? Хаос! Так, Плетнев?

Красавина: А Олимпиада? Или вы забыли уже? Это ж все – он!

Кузина: Не забыли, Маша, помним. Только за одно это я готова простить нашего милого, доверчивого Дмитрия Федоровича. Но вы знаете сын *кого* Костя Жечкин? Напиши это письмо хоть все родители десятого «А» или там седьмого «Б», я бы и ухом не повела. Но – Костя! Это сын та-ко-го человека!

Плетнев: Товарищи, родители мальчика такие же люди, как мы, и мне все равно кто они. И им уже не помочь, но я знаю, чем помочь мальчику. Его еще можно спасти ... я знаю, как ему помочь!

Эль: Ну, да. Вы человек новый. А я расскажу кто у Кости папа...

Плетнев: Не стоит.

Эль: Ну, как хотите. Пеняйте на себя.

Кузина: Дмитрий Федорович, я не знаю, из-за чего у вас с мальчиком конфликт, да и знать не хочу. Я одного прошу, вы пойдите к ним и извинитесь. Я позвоню папе, договорюсь о встрече.

Красавина: А почему это вы так уверены, что виноват Плетнев? Он же наш коллега, наш друг. Почему его никто не защищает?

Тарасова: Маш, я с тобой согласна. Но бить детей?!

Красавина: Но почему не разобраться? Мы вот так с ходу готовы поверить этому письму?! Судим честного порядочного человека?! А вы? Мы все не без греха?!

Кузина: Мария Олеговна, вы нас в чем-то обвиняете?! В чем? И вообще, мне странно слышать это от вас...

Холмогорова: Почему странно?

Кузина: Потому что недели еще не прошло, а Маша в этом самом кабинете слезы лила и просила меня...не так ли, Мария?!

Козлова: Ой, как интересно!

Кускова: Ого! Все только начинается.

Доценко: А чего случилось-то, Маш?!

Красавина (директору): Да, положим, было. Но то – другое. К делу не относится.

Кузина: Как другое? Не ты ли мне его последними словам кляла?

Козлова: Ой, как интересно!

Красавина (директору): Я тогда погорячилась. А потом пришла в себя, подумала...короче, Дмитрий Федорович прав... всегда прав!

Кузина: Здрасьте-приехали! Сначала приходишь, ревешь! Бросил, бросил! А я вам что тут, подушка или жилетка? Мамочка, которая выслушает, простит.

Доценко: Ой, Маш, а кто бросил-то?

Тарасова (учителю географии): Заработалась ты. За Монбланами своими жизни не видишь. Машка наша втюрилась в историка, а он ее кинул.

Козлова: Как втюрилась? Когда?

Счастливая: Маш, ты беременна?

В кабинете поднимается шум. Краснова садится на стул, от стыда прячет лицо в ладони. Плетнев то садится, то встает.

Эль: Ну, знаете, Нина Ильинична! Распустили вы школу. Позор!

Кузина: Ой, кто бы говорил?!

Эль: Я не поняла.

Кузина (к Эль): Давайте не при людях, Нина Анатольевна. Мы с Плетневым ещё не закончили. Но потом, если хотите, и о вас можем...

Эль: Вы мне угрожаете?

Кузина: Нет. Пока только предупреждаю... (учителям) Тише. Давайте решать.

Руку тянет психолог Кускова.

Кузина: Слушаем, Любовь Сергеевна.

Кускова: Я в школе человек можно сказать новый. Второй год всего. Но хочу выразить восхищение – наша школа просто необыкновенная. Я, правда, после института в садике работала, но мы же с подругами списываемся, интересуемся кто как работает. Кто-то в Питере, кто-то в Москве осел. И вот они пишут, что там, где они сейчас трудятся просто мрак, тоска зеленая. Приложения своим способностям для нас детских психологов практически нет. А наша школа замечательная! Здесь же, слава Богу, каждую неделю что-то происходит. Я же в науку потом хочу, статьи пишу, материал набираю. Так вот наша школа просто кладезь. До недавних пор каждый день конфликт, каждый месяц, то участковый приходил, то полиция. Во всех классах буллинг процветал. Сейчас, к сожалению, заметно тише стало, но все равно,

то в Олимпиаде победа, то в конкурсе песенном. А взять тот случай с Кутеповым, историком, что до Плетнева был. Это ж какой материалище...

Кузина: Не надо про Кутепова. По делу есть что?

Кускова: Подождите, Нина Ильинична. Этот пример показательный.

Смотрите. Одиннадцатиклассница влюбляется в своего учителя. Залетает от него...

Кузина: Беременеет. Мы знаем, как было – без подробностей.

Кускова: Ну, да. Беременеет. Родители узнают и подают в суд. Но девушка и учитель сбегают и от родных, и от полиции. В никуда. Понимаете?

Учителя хором: «Нет»

Кускова: Ну, как же?! Это же жертвенность. Представить, чтобы Ромео и Джульетта жили в наше время, в наши дни – это нереально круто!

Кузина: К чему это вы?

Кускова: Так здесь то же самое. Два учителя. Две половинки. Две души встретились. Нашли себя. Маша залете...забеременела...

Красавина: Прекратите. Я устала от ваших шуток. Не беременная я.

Кускова: Не важно. Но вы его оправдываете, защищаете даже тогда, когда Плетнева хотят отправить в тюрьму...

Кузина: Что вы несете? Никто никого сажать не собирается. Садитесь Кускова. В тюрьму! Скажете тоже. Мы лишь просим, – дорогой Дмитрий Федорыч, сходи, извинись перед папой Кости. А он, как бык, уперся рогом и все тут!

Доценко: Да, Маш. Ты скажи. У меня если что, врач знакомый есть.

Козлова: Не, Мань, ты не держи в себе. Скажи. Мы ж коллектив. Поможем если что.

Тарасова поворачивается к Козловой и стучит себе пальцем по лбу.

Тарасова: Ты, дура?!

Козлова (зажимая себе рот): Ой!

Встает учитель труда Еропкин.

Еропкин: Так, бабоньки. Вижу дело принимает трудный оборот, а у меня, значит, уже трубы горят ...

Холмогорова: Коля, не позорься!

Еропкин: Да я не в том смысле... курить хочу, сил нет. А тут такое дело. Короче! Слушал я вас слушал, и вот что. Дмитрий батькович, я за эти три месяца, что ты у нас, к тебе, значит, прикипел, и даже стал считать тебя своим другом. А ты меня подвел. Ой, подвел. Не знаю, что у вас там с Машей было, но её я знаю давно. Маша – святая!

Учителя хором: «Точно!»

Еропкин: Не знаю, за что ты Жечкина саданул, хотя догадываюсь. И, если честно, мне пофиг, значит, – заслужил. Но, извини, Машу обижать не дам. За каждую ее слезинку, значит, за каждую её морщинку любому морду набью. И как я тебя, Федорыч, ни уважаю, а это сделаю...

Эль (аплодирует): Bravo, Еропкин!

Холмогорова (вскакивая с места): Коля, не надо.

Плетнев: Да я перед Машей сразу извинился и покаялся.

Кузина: Господа! Очнитесь. Мы не Машу-Петю разбираем, мы рукоприкладство учителя разбираем...

Эль: А давайте у нас коллектив сам решит, что ему важнее, а что нет?!
Продолжайте Плетнев.

Директор разочарованно машет рукой. Плетнев встает напротив Красновой и обращается только к ней.

Плетнев: Робеспьер, Троцкий, и даже Ленин и Сталин, хоть у последних и были жены, но все они являлись по сути несчастными людьми. Маша, я уже тебе говорил, и тут могу повторить. Ты чудный, тонкий, милый человек. Когда я только тебя встретил, я сразу почувствовал родство. Видел, что и ты ко мне тянешься. И всем своим существом хотел сказать – «нет», хотел остановить тебя, но не мог. Силы сказать это проклятое «нет» нашел только на финале Олимпиады. Подумал ещё – победим, обязательно ей правду скажу, признаюсь. Ты помнишь?

Красавина: Да.

Плетнев: Тогда ты должна помнить, что я тебе говорил? Почему не можем быть вместе.

Тарасова (вскрикивая): Женат?!

Плетнев (обращается ко всем): Послушайте. Все мы приходим в этот мир не просто так. Не просто есть, пить, принимать туалет, строить. Мы не просто так учим, бодем, живем. У нас у всех на этой земле есть миссия. Вот вы Нина Анатольевна знаете свою миссию?

Эль: Ну, это. Я... вы сразу с меня как-то...я так сразу не готова ответить...

Плетнев: А вы Евгения, знаете?

Тарасова: Да мне на роду написан нотный стан. У меня и бабка в хоре пела, и дед еще тапером был...

Плетнев: А у вас Кармелита?

Кранцева: Ну, буквы разные писать, тонким перышком в тетрадь ...че там ещё, книжки добрые любить и воспитанными быть.

Холмогорова: Учат в школе, учат в школе...учат в школе...

Кузина: Это вы к чему Плетнев? Я вот, например, свою миссию в вечном руководстве школы не вижу. Но у всех у нас здесь одна миссия – учить детей знаниям. И другой нет.

Плетнев (возбужденно, подскакивает к столу президиума): Вот! В этом таится глубочайшее заблуждение. Педагогика – миссия единиц. Это тоже дар, но все мы рождены для более высокой цели. Ваша, женская –продолжать

род, воспитывать детей.

Красавина: Дима, но та, про которую ты мне говорил, это же полная чушь!

Учителя хором «А какая?», «Что?»

Красавина: Он верит в дело... революции!

Кранцева: Что?

Счастливая: Какое дело?

Георгиева: Что за бред?

Кузина: Так Плетнев, я что-то не догоняю, это что, вы с Машей не смогли сойтись потому, что у вас миссия?

Плетнев: Да, но только не надо так упрощать. Все очень серьезно.

Кузина: Это я вижу. И ваша миссия это – революция?!

Плетнев: Маша не все понимает. Наоборот, не революция, а ползучая либеральная контрреволюция. И – да, моя миссия ее остановить.

(немая сцена)

Эль: А-а! Ну, тогда все понятно.

Кузина *(переходит на крик, вскакивает):* Что вам понятно? Что вам понятно-то всем? Плетнев тут дурочку разыгрывает, идиотом прикидывается, а вам понятно всем. *(Плетневу)* Мне вот понятно, что папа Жечкина вам завтра голову оторвет, у него это на *(щелкает пальцами)* – фьють, и нет человека. А им – понятно!

Эль: Да что ж вы так разошлись-то, прям – пожар! Берегите нервы, не восстанавливаются. *(Плетневу)*. А я-то все думаю, с чего это у нас по школе пионеры в галстуках маршируют, речёвки изо всех углов, комсомольские линейки по субботам. Ой, чуть про уроки политинформации не забыла. Так это всё ваша инициатива, Плетнев?

Кузина: Да, но с моего согласия.

Эль *(произносит с сарказмом):* А давайте ещё красный уголок откроем? А что? Флаги опять развесим, горны. Ленина достанем. Надеюсь, Нина Ильинична, вы не сделали глупость, не выбросили бюст вождя? Отчистим его, отмоем и – в уголок! А?!

Еропкин: А чё?! Хорошая идея.

Тарасова: Лично я за.

Холмогорова: И я.

Эль *(распалаясь):* А я против. Все эти лозунги «Партия ум, честь и совесть» поперек улиц, эти плакаты: «Экономика экономной» или что там... тфу, уж и не помню, а в тарелке щи пустые, в холодильнике дырка, в животе целый день ветер гуляет, потому что всю стипендию спекулянтам отдаешь, чтобы нормальные чулки, туфли, косметику иметь, а не то дерьмо, что на прилавках. А почему? Потому что стране больше стАли давай, больше угля на гора, надои. Потому что последнее с себя сними, но друзьям в Африке отдай. А где теперь эти друзья? Где? Что, забыли все про прилавки пустые, забыли щи на одной воде?

Кузина: Нина Анатольевна, нам очень дороги ваши воспоминания, но давайте ближе к сути. Что по Плетневу? Надо решать, друзья.

Еропкин: Нет, ребята, у меня, значит, тоже внутри все горит, поэтому давайте четко разберемся. Я сам тут снаскоку готов был Плетневу морду

бить, и за Машу, и за пацана этого, но вот зав по административно хозяйственной части нам про былое напомнила, и я уже резко сомневаюсь в виновности историка. Смотрите. До появления Плетнева что у нас было? *(Начинает зажимать пальцы)* Старшеклассники где хотели курили? Курили. Раз. Во время урока могли без спросу встать и уйти? Могли. Два. На переменах возле школы дрались? Три. А он пришел, и всё как-то по-другому стало. Все дети при деле. Кто в зарницу играет, кто в военно-патриотическом отряде себя нашел.

Красавина: Авы помните Шуткова и Цыпкина? Это ж вообще тихий ужас, неуправляемые. Матери их ко мне по два раза на неделе в школу в слезах прибегали ...плакали: «сладу с ними нет, повлияйте». А теперь?!

Холмогорова: Да, а случай с Торжиковой. Помните месяц назад, как Дмитрий Федорович все разрулил? Весь её класс перевел на первый этаж, только чтобы инвалид могла со своими учиться...

Ерошкин *(стоит с поднятым над головой, сжатыми в кулак пальцами):* Пять! Этого что, мало? И мы должны отдать такого человека на растерзание папе какого-то Жечкина? Уж я не знаю, каким умением и талантом надо обладать, чтобы восьмикласснику вывести из себя нашего дорогого Плетнева, но Дмитрия Федоровича мы за так не отдадим. Нет.

Кранцева: Вы знаете, я сперва сама была против появления в школе пионеров и линейк этих. Ну, что-то, видимо, из детства. Переела. Да и вообще, вперед надо идти, не топтаться. Я за развитие. Но вот тоже хочу пару слов в защиту Дмитрия Федорыча. Есть у меня в десятом вэ девочка, Зварыкина Катя. Вы её тоже знаете. Такой тип.., ну, – всё знает. Все книги прочитала, жить ей уже скучно. Я всё думала, ну, в возраст такой вступила. Ну, гормоны, мальчики там, звонки, луна, поцелуи. Ан – нет. Каждый мой урок литературы срывала. Каждый. Я им только начну рассказывать про... ну, Каренину, к примеру, мол, вот такой русской тип женщины: стремление к выбору, свободе, поиск любви...а она тут же спорить. Мол, нет у Карениной никакого стремления, похоть одна на почве роскоши и безделья, а всё, мол, от «стойкого когнитивного диссонанса». Это присказка у нее такая. Вот как начнет она про этот свой когнитивный диссонанс лепетать, считай – всё! Урок сорван. Или взять «Мать» Горького. Я им про растущее самосознание русского пролетариата, про то, что из забитой глухой бабы, Ниловна, прошла путь до идейного борца, так Зворыкина опять давай свой когнитивный диссонанс вставлять. Начиталась психологов модных и шпарит по ним нужно-не нужно. А дети слушают, впитывают. Я как-то ревела после урока, тут Плетнев и зайдя. Я Дмитрию Федоровичу все про Катю и скажи. Уж не знаю, что он там с ней сделал, и как у них все было, но с тех пор девочка как шелковая. Одни пятерки и рот открывает только по делу.

Кузина: Очень интересно. А почему мы об этом только сейчас узнаем, Кармелита Дауровна?

Кранцева: Ну, я не думала, что это важно. К тому же у всех у нас свой скелет в шкафу.

Кузина: Так. Это меняет дело. Какой вы, однако, Плетнев, не простой.

Георгиева: Ко мне тоже тут мамаша приходила. За сына благодарила. А я-то

все думала – почему ко мне? Было такое: пару месяцев назад в магазине с Дмитрием Федорычем столкнулась, разговорились. Ну, я-то обычно со своими проблемами сама справляюсь, жизнь научила не болтать лишнего, а тут что-то разоткровенничалась. Я возьми, да и ляпни про этого мальчишка. Про Петухова. Нет, так-то он хороший, тихий. Но вот была у него одна особенность, лампочки в подъездах бил, когда двойку огребет. А если сразу две схлопочет, то уже и до соседских окон добирается. Весь дом от него выл. Мать всю зарплату на эти стекла тратила. А после нашего разговора с Плетневым, все как-то стихло. Потом я этого... Лешу, да Лешу Петухова, в отряде пионеров видела. Ходит. Марширует. По всему – нравится ему. Так что я тоже всеми руками за Дмитрия Федоровича. У него талант убеждения.

Эль: Ну, вы у нас Плетнев, прям золотой какой-то выходите.

Красавина: А вот я уверена, что и в истории с Жечкиным Дмитрий Федорович кого-нибудь защищал. Так ведь, Дима? Так?

Учителя дружно: «так что было? Что?»

Плетнев (встает): На перемене я услышал, как Костя громко и, главное, грязно хвастался друзьям что сделает с одной девочкой. Я не могу вам этого пересказать в силу... я его одернул и заставил извиниться за свои слова.

Кузина: Так. Всё понятно. Заявление мамы Жечкина беру на себя. Вопрос по Плетневу решен и с повестки дня педсовета снимается.

Эль: Э, нет! Погодите. Как это у вас так легко получается, Нина Ильинична. Хочу сниму – хочу ставлю. Он не ровесника, он ребенка ударил. И ладно бы только это – полбеда. Но я хочу вернуться к этим заигрываниям с красным галстуком. Это что же это, господа? Вы совсем ослепли? Не видите?

Учителя хором: «А что?», «Где?»

Эль: Вам не понятно, что Плетнев пытается у нас возродить? Нет, я понимаю, что многим хочется обратно в сэсээр, как Еропкину и Тарасовой. Им стабильность подавай, чтоб как в гробу, тихо и смирно. А я, например, резко против. Да, и эти ваши, Плетнев, вечные цитаты Ленина, Маркса. Это же путь назад. В кровавое прошлое, к гэбне. В гулаг. Если это сейчас не остановить, то мы все через год на плетневских линейках Сталина будем цитировать...

Кузина: Это уж явный перебор.

Эль: Да, именно перебор. Мы стремимся делать наших детей светлее, целеустремленней и одновременно талерантней. Чтобы они выросли в духе свободы и самоуважения. Чтобы они не стали винтиками в руках манипуляторов и государства. Чтобы на выходе была свободная думающая личность, а не мешок, извиняюсь, с цитатами, отживших идей. Нет, я резко против всех плетневских затей. Нет большевистским играм в нашей школе!

Кузина: Вообще-то «перебор» это к вам относилось.

Эль: Не поняла?!

Кузина: Хватит ораторствовать, Нина Анатольевна. Я по Плетневу вопрос закрыла.

Эль: А я – нет! Или вы хотите, чтобы завтра в Департамент образования моя

докладная на стол легла?

Кузина: На предмет?

Эль: На предмет избиения ребенка и премии...

Кузина: Ах! Опять премия! Вот в чем всё дело!

Эль: И в этом тоже.

Кузина: Угрожаете?! Мне? Нина Анатольевна, я пока сдерживаюсь, поэтому прошу, возьмите свои слова назад, или вы сильно пожалеете.

Эль: Ни за что.

Георгиева (снимает куртку): Уф! Жарковато стало.

Кузина роется в сумке, достает оттуда свой айфон и вновь разворачивается к Эль.

Кузина: Нина Анатольевна, а напомните-ка мне, где вы должны были дежурить в вечер «последнего звонка»?

Эль: Какое это имеет отношение к Плетневу и...вообще? Ну... возле столовой дежурила, ведь Елена Леонидовна в тот день не могла...

Холмогорова: Да, я же у вас отпросилась, и Нина меня заменила.

Кузина: Я помню. (к Эль) Тогда что вы делали весь вечер в кабинете труда?

Красавина: Ах!

Еропкин начинает смеяться

Эль: Не знаю. Ничего не делала. Я там вообще не была.

Кузина: Точно?

Эль: Я не понимаю, что вы хотите сказать?

Кузина (сквозь зубы): Нина, если я сейчас нажму на кнопку – пути назад не будет. Извинись сейчас же.

Эль: Госпожа, директор! Я не боюсь ваших угроз.

Кузина: Как хочешь, я предупреждала...

Кузина включает видео и показывает его Эль.

Эль (изменившимся голосом): Можно это выключить? Я всё поняла...

Кузина: Хорошо поняла?

Эль: Да, да. Хорошо.

Эль встает, поправляет юбку. Откашливается.

Эль: Коллеги, друзья. Я осознала свою ошибку и приношу свои извинения, как Нине Ильиничне, так и Дмитрию Федоровичу. Я вовсе не против ваших нововведений...

Эль садится. Учителя в недоумении перешептываются.

Смеется один Еропкин

Кузина: Если вопросов нет, то педсовет окончен. Следующий через неделю. Поговорим о распределении ролей на ЕГЭ. Всех благ.

Педагоги встают и расходятся.

Кузина: Плетнев, секундочку.

Плетнев останавливается в дверях.

Кузина: А от вас я жду справку об отсутствии судимости.

Плетнев кивает и выходит.

Действие второе.

Кабинет директора Кузиной два часа спустя. Кабинет ничем не отличается от кабинета заведующей, только вместо портрета Макаренко висит портрет Президента РФ. На столе стоит початая бутылка водки, нарезана колбаса, сыр, открыта коробка конфет.

Обнявшись сидят Кузина и Эль. Они поют: «Ромашки сорваны, поникли лютики, вода холодная в воде рябит, зачем вы, девочки, красивых любите, одни страдания от той любви...».

Кузина берет со стола рюмку.

Кузина: За тебя, Нин. Мне ж полтора года и на пенсию. Так что всё, всё тут твое будет. Владей.

Эль: Во век не забуду.

Смеются и, чокаясь, выпивают.

Кузина: Нет, правда. Знала бы ты, как я от всех вас устала. Домой прихожу – сразу в ванну. Ноги гудят. Спина. Голова. Каждый раз думаю: не дойду, свалюсь на полдороге. Нин, ты на меня не серчай за сегодняшнее. Но ты меня очень разозлила. Очень!

Эль: Да – брось. Забыли. Я только не поняла, чего ты так в этого Плетнева вцепилась? Без году неделя у нас, а ты прям стеной за него. Обидно.

Кузина: Ничего ты не смыслишь – он редкий. Лучше скажи, как Николай?

Эль: В смысле – как мужик?

Кузина: Ха! Ну, конечно! Какой он препод я знаю...

Обе смеются.

Эль: О, господи! Да как, как?! Все они одинаковые. Строят из себя, пыхтят, надуют хвост веером, а на деле – пшик!

Кузина: Так и думала. И чего Ленка так в него вцепилась: бабник, пьет...курит?!

Эль: А как ты нас засекала? Сказал кто?

Кузина: А может и сказал?! Есть еще добрые люди.

Эль: Дай угадаю – Кармелита? Нет? Ну, тогда эта дура, Доценко?!

Кузина: Не гадай. Не скажу. А видео, хошь, хоть щас удалю. Хошь?

Слышен стук в дверь. Кузина прячет бутылку под стол.

Кузина: Войдите.

Входит следователь Юрий Скоков. В его руке папка.

Скоков: День добрый. Меня зовут Скоков Юрий Сергеевич. Я старший следователь следственного комитета. *(показывает удостоверение)* Мне нужен директор Нина Ильинична Кузина.

Кузина: Это я. А каким ветром к нам органы? Опять кто-то где-то кое-кто у нас порой?

Скоков: Скажите, за последние месяцы к вам похожий человек приходил устраиваться в школу?

Скоков достает из папки фотографию, показывает директору. Эль тоже тянется посмотреть.

Эль: Это ж...

Кузина незаметно толкает ее в бок и оттирает от полицейского. Эль икает, и садится на место.

Кузина: Нет. Таких точно нет. У нас всего три мужика в школе. Своих бы всех узнала.

Скоков (к Эль): Может вам знаком? Мне показалось, вы узнали.

Эль: Не-а. На артиста похож. Как его Пучино...нет, Эль Пачино...

Скоков: Точно такой не приходил? Может, в дворники нанимался, в сторожа?!

Кузина: Да вы садитесь. Вот, хотите колбаски, чаю?

Скоков: От чая не откажусь. Набегался.

Эль вскакивает и идет включать чайник.

Кузина: А, расскажите, с чего такой переполох? Кто на фото?

Скоков: Да больной один. Из областной психушки сбежал. Уже четыре месяца ищем.

Эль: Господи!

Кузина: Та-ак, а поподробнее?!

Скоков: Да не волнуйтесь вы. Он тихий, и в своем роде даже оригинал. Вы, может, слышали? В 90-том во время парада на Красной площади покушение было на Горбачева. Так это он – Шумов Александр Анатольевич, 56-го года рождения. Так вот, после покушения отсидел, а потом его в психушку определили. Вот там-то он умом и поехал.

Эль: Как поехал? В смысле?

Скоков: Подробностей не знаю, но, якобы, у него какая-то особая миссия есть.

Кузина: Может он мессией себя ощущает? С Богом сравнивает?!

Скоков: Нет. Он почему стрелял? Он-то думал, что убийство Горбачева – его миссия. Будто бы так он мог остановить распад СССР.

Кузина: То есть вполне искренне считал, что контрреволюция голову поднимает... так-так...

Эль приносит и ставит перед Скоковым чай.

Скоков (к Эль): Спасибо. (к Кузиной) Так и есть! Но в психушке вел себя отменно, буйным не был. В библиотеке ихней все книги по истории и политологии перечитал. Уважали его. И тем неожиданной для всех было то, что четыре месяца назад бац! – сбежал. Его – в розыск, а он, как канул. Ни следа. Мы так думаем, либо погиб, сгинул, либо смог устроиться в учебное заведение вроде вашего. Или даже в институт. Очень, очень много знал. Сейчас везде проверяем.

Кузина: А как же без документов? Я без справки об отсутствии судимости никого не могу взять.

Скоков: Да, черт его знает. Хитрый. Врачи, правда, говорят, что он умом застрял в том, в своём 90-том. Навек застрял. Так что если его встретить, то сразу понятно, что чудик.

Кузина: Ну, а если он не буйный. Так что вы его разыскиваете? Живет себе человек и живет. Забудьте.

Скоков: Нет, его не из-за того, что он трехнутый ищут. Там, в психушке, он начитался всего и практиковать стал. Организовал некую коммуну. Причем так удачно, что врачи даже буйным больным её посещать разрешили. Вроде терапии. Воровство прекратилось, драки. Порядок сам собой наладился. Там у них цех по пошиву шапок был, так Шумов дело так поставил, что даже администрация района у них заказывать начала. А это не хухры-мухры. Короче, его опыт хотят перенять, чтобы это...на всю страну. Везде внедрить.

Эль: Не поняла? То есть у нас что, только псих, застрявший в девяностом может страну поднять?

Кузина: Господи, дай мне силы это понять!

Действие третье

На сцену выходит Плетнев

«Через полгода после того педсовета со мной произошла странная история. В начале декабря уже после уроков ко мне подошли люди в форме, посадили в машину, и увезли. Мне стали говорить о странных вещах, будто бы я вовсе не учитель Истории, а беглый псих. Это было бы смешно, если б они и впрямь не поместили в меня в странный дом с мелкой рабицей на окнах. Ну, конечно же в школе в этот бред никто не поверил. За меня вступились буквально все, от учителей до родителей. Писали письма, звонили важным людям. Дело было шумное. Приезжал из Москвы даже журналист Малахов. Я давал интервью, меня показали по телеку. К сожалению, всё оказалось дикой правдой: я не обычный пациент психушки, а опасный, – покушался на бывшего генсека! Буквально через пару месяцев после того, сняли с должности директора Нину Ильиничну Кузину. На ее место назначили ее зама по хозяйству – Нину Анатольевну Эль.

Она споро взялась вводить в школе все самое новое, передовое. Вскоре школа из общеобразовательной превратилась в гимназию. Естественно, что

все придуманное мной она запретила. Пионерские отряды распустила, линейки и трудовые звенья перестали существовать. Ученикам разрешили приходить в домашней одежде, обсуждать действия и отметки учителей. Постепенно из гимназии ушли лучшие учителя: Красавина, Штруве, Кранцева. Короче оптимизировала процесс обучения по полной. Все эти месяцы меня посещала моя Маша - учитель физики Мария Олеговна Красавина. Мы запоем говорили о школе, детях...да обо всем. И все наши встречи мы проводили глаза в глаза, рука в руке. Я прожил недолго. Через два года меня не стало Наверное, я бы так и ушел в другой мир с ощущением, что оставил в старом лишь одно родное, близкое, честное и простое, как полет птицы существо. Но однажды случилось чудо. На встречу пришел... кто бы вы думали?! Костя Жечкин. Да, да, тот самый, папой которого меня пугали. Мы и опять толком не поговорили. Увидав меня, он почти сразу зарыдал, захлебываясь слезами стал просить за что-то прощения и...вдруг поблагодарил. Через три месяца после этой встречи меня не стало. Я не болел. Просто вдруг сразу понял, что та миссия, с которой пришел в этот мир мною выполнена. И я ушел.

Да, Комиссией из Департамента образования выявились крупные хищения в школе. Нину Эль уволили, и постепенно все стало возвращаться вспять, как было при Кузиной. Новый директор Евгения Тарасова даже организовала отряды, по примеру моих. Поговаривают, что хочет ввести тимуровское движение. Кстати, она вышла замуж за бывшего учителя информатики Карла Фон-Дорна. У них две дочери. Живут неплохо, правда, когда остаются наедине, то постоянно пилят друг друга по национальному вопросу. Трудовика Еропкина выгнали за пьянство еще при Эль, и тогда же из школы ушла преподаватель эстетики Холмогорова. Набрала материала на диссертацию и нашла работу в столице психолог Кускова. Так что учителя в школе теперь, почти все новые. Много молодых. И один из них ученик нашей школы, мой ученик, Костя Жечкин. Он работает учителем Истории.

Помимо знаменитых дат и фактов она часто повторяет ученикам фразу прусского учителя Оскара Пешеля о том, что победе над австрийцами при Садовой в июле 1866-го Пруссия обязана не собственной армии, а обычному школьному учителю. Да и не важно даже кто это сказал. Важна суть – без таких как Красавина, Кузина, Тарасова, и многих других учителей, кто терпит, живет, но верит в свою миссию, нам никого никогда не победить. Они – соль земли нашей. На них... на нас, держится всё. От учителя зависело и зависит наше будущее...

Да, чуть забыл сказать главное – школе наконец-то выделили деньги, их, представьте, не оптимизировали, а сделали ремонт. Заменяли все окна на новые. Пустичок, а приятно! Что ж, значит будет жить школа! Будет»

Занавес